

Жизнь и деятельность Георгия Валентиновича Плеханова.

Один из величайших международных авторитетов в области научного социализма, одна из наиболее ярких фигур в международном рабочем движении, «первый русский крестоносец марксизма» (выражение Троцкого),—Георгий Валентинович Плеханов был щедро наделен теми особенностями, благодаря которым великий человек является наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени¹⁾.

В кратком биографическом очерке трудно представить во весь рост духовную фигуру Плеханова, перечислить все ценности, которые он внес в сокровищницу марксизма, все заслуги его перед рабочим классом. Плеханов прежде всего был борцом. Попытаемся поэтому указать хотя бы вкратце на этапы его жизненного пути, оттенить наиболее яркие моменты, и на те схватки, в которые он вступал за шиту революционного марксизма.

Георгий Валентинович Плеханов родился 28 ноября 1856 г. в Липецком уезде, Тамбовской губернии, в помещичьей усадьбе—Гудаловке. Отец его, Валентин Петрович Плеханов, был отставным гусарским офицером; по окончании военной службы он занимался хозяйством в своем небольшом имении. Наряду с некоторыми чертами помещика-крепостника старого закала, довольно сурово относившегося к своим крепостным и нередко тиранившего их, в его характере уживались доброта, гуманность и заботливое отношение к работникам. Вместе с тем к властям он относился высокомерно и любил подчеркивать свою независимость. Деспотизм он проявлял и в отношениях к членам семьи, которые побаивались его вспыльчивого характера.

Мать Георгия Валентиновича—Марья Федоровна Белинская (близкая родственница знаменитого критика Виссариона Григорьевича Белинского)—по своему характеру была полной противоположностью Валентину Петровичу. Она представляла собой тип тихой, кроткой, мягкосердечной женщины. Н. А. Семашко, который приходится племянником Плеханову (его мать была дочерью Валентина Петровича от первого его брака) рассказывает, что Марья Федоровна воспитывала своих детей с малых лет в революционном направлении. От нее молодой Георгий, или Жорж, как звали его в семье, унаследовал известную душевную восприимчивость и чувство изящного. «Все хорошее, что

¹⁾ Плеханов, «К вопросу о роли личности в истории».

у меня есть,—говорил впоследствии Г. В.,—я перенял у матери». Но некоторые черты он унаследовал и от отца—независимость, стойкость, трудолюбие, упорство в работе.

В своих воспоминаниях о Плеханове один из его друзей детства (Дневничкий) следующим образом характеризует семейную среду, в которой рос и воспитывался молодой Жорж:

«Семья большая. Отец Валентин Петрович—образцовый хозяин. Человек независимого и крутого нрава. Гнетет все и всех в доме. Зато приучает детей к порядку и дисциплине. Не допускает сидеть без дела. Мать—Марья Федоровна—урожденная Белинская (племянница гениального критика). Вторая жена и много моложе своего мужа. Женщины редких душевных качеств. Недурно образованная. Владеет свободно европейскими языками. Считается хорошей учительницей. Сама занимается пасынками и падчерицами. Сама готовит сына в гимназию. К «людям»—крепостным—относится гуманно, с какой-то робкой стыдливостью».

Когда Жоржу минуло десять лет и наступило время определить его в учебное заведение, Валентин Петрович, три сына которого готовились к военной службе, хотел, чтобы Жорж пошел по гражданской части; он утверждал, что с освобождением крестьян наступила новая эра и России нужны не столько военные, сколько лица свободных гражданских профессий. Но Жорж, читавший уже в детстве очень много, начитался военных книг и мечтал о военной карьере. Отцу пришлось уступить настояниям сына и определить его в военное учебное заведение. Летом 1866 г. Жорж выдержал экзамен и поступил во второй класс Воронежской военной гимназии (кадетский корпус).

Уже в гимназии молодой Плеханов резко выделялся среди своих сверстников своим умственным развитием, способностями, любознательностью и остроумием. Если принять во внимание, что и тогда уже обнаруживались привлекательные черты его характера, то не приходится удивляться, что он стал общим любимцем и обращал на себя всеобщее внимание. К «всеведущему Жоржу Плеханову» обращались за разными пояснениями его товарищи, никогда не встречая отказа.

В 1873 г. Плеханов блестяще окончил гимназию; его имя было занесено на золотую доску, откуда оно было стерто через восемь лет, когда Георгий Валентинович был объявлен государственным преступником.

По окончании Воронежской военной гимназии Плеханов поступил в Константиновское военное училище, намереваясь завершить свое образование в Академии Генерального Штаба. Почти с уверенностью можно сказать, что при блестящих дарованиях Георгия Валентиновича, при его настойчивости, он на этом поприще достиг бы высокого положения. Но еще до окончания военного училища он решил отказаться от военной карьеры. Дело в том, что отголоски революционного движения проникли и в Константиновское училище; юнкера были знакомы с сочинениями Герцена, Чернышевского, с идеями Бакунина и даже с нелегальным Лавровским «Вперед». Если юнкер Плеханов и не был еще революционером, то он во всяком случае проникся уже в достаточной мере радикально-демократическими идеями. Со свойственной ему настойчивостью он стал добиваться увольнения из училища, не останавливаясь перед такой крайней мерой, как подача прошения наследнику—будущему императору Александру III. В 1874 г. он добился своей цели, выдержал блестяще конкурсный экзамен по физике и математике и был зачислен студентом Горного Института.

Еще во время пребывания Георгия Валентиновича в училище умер его отец, вследствие чего материальное положение семьи сильно пошатнулось. К этому времени относится эпизод, весьма характерный для тогдашних настроений молодого Плеханова. Об этом эпизоде со слов самого Г. В. рассказывает Л. Г. Дейч в своих «Материалах для биографии Г. В. Плеханова».

«Чтобы поправить материальное положение семьи, мать Г. В. решила сдать в аренду имение. Землю эту хотели взять крестьяне с Гудаловки, в котором родился Плеханов, но они за нее давали меньшую цену, чем предлагал какой-то купец. Добрейшая Марья Федоровна, при всей ее жалости к крестьянам, проявляемой ею еще при господстве крепостного права, под влиянием нужды склонялась на сторону купца. Но приехавший в это время на каникулы юнкер Жорж, узнав о намерении матери, решительным тоном заявил ей, что этому не бывать: он обещал съесть хлеб у купца и потом об'явить об этом, чтобы его осудили. Зная решительность характера своего любимца, мать, конечно, отдала землю крестьянам».

Во время пребывания Плеханова в Горном Институте относится начало его знакомства с петербургскими рабочими и революционерами-народниками. При посредстве студентов, братьев Воскресенских, Георгий Валентинович осенью 1875 года познакомился с известным тогда в среде революционно-настроенной учащейся молодежи, выдающимся по своему умственному развитию рабочим Митрофановым.

Как и все передовые представители тогдашней молодежи, Плеханов собирался «йти в народ». Но, как он сам рассказывает, его представления о народе были довольно туманны и неясны. Знакомство с Митрофановым произвело на него сильное впечатление.

В своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» Плеханов говорит об этом знакомстве:

«Когда я в первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей «народа», в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь перед ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать. Мне казалось, что язык нашего брата студента будет совершенно непонятен этому «сыну народа» и что в разговоре с ним я должен держаться того нелепого, переряженного слова, которым были написаны многие из наших революционных брошюр».

Однако, к великому изумлению и столь же великой радости Плеханова, он нашел в Митрофанове высоко развитого и сознательного революционера, отлично разбиравшегося в сочинениях Бакунина, Чернышевского и Лаврова.

Но Митрофанов относился скептически к революционным возможностям рабочих. Он был типичным «бунтарем» и считал, что истинная революционная деятельность возможна только среди «подлинного» народа, т. е. среди крестьянства. Рабочих он считал проникнутыми и развращенными «буржуазным духом». Такие же мысли и представления о рабочих он внушил молодому Плеханову. Но Георгий Валентинович всего менее склонен был без критики принимать чужое мнение, хотя бы и весьма авторитетное. Благодаря знакомству с некоторыми видными революционерами, в том числе с П. Л. Аксельродом, О. В. Аптекманом и Л. Г. Дейчем, он вскоре вступил в непосредственное соприкосновение с революционно-настроенными питерскими рабочими. Он предоставил свою комнату под нелегальную сходку, на которой,

помимо пяти-шести революционеров-интеллигентов, присутствовало много рабочих. Эта сходка и выступление рабочих произвели на молодого Плеханова огромное впечатление, которое он сам характеризует следующим образом:

«Впечатление, произведенное ими на меня, было потрясающее. Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми-студентами».

Посещая эти кружки, Плеханов сам, по свидетельству Дейча, активного участия в них не принимал, так как считал себя «необстреленным» революционером, тем более, что еще не «ходил в народ». Нет ничего удивительного в том, что под влиянием Митрофанова, с одной стороны, и революционеров со стажем — с другой, Плеханов также склонен был думать, что пропаганда должна вестись главным образом не среди рабочих, а среди крестьянства.

Нужно заметить, что 1874—75 г.г., когда Г. В. примкнул к революционному движению, были годами перелома. Хождение в народ потерпело фиаско и окончилось разгромом 1873—74 г.г. Революционеры, оставшиеся на свободе, пришли к убеждению, что проповедывать социализм крестьянам еще преждевременно и невозможно, что нужно воспользоваться недовольством существующими порядками, становиться во главе возникающих народных восстаний и организовать народ, помогая ему добиться осуществления имеющегося у него собственного «идеала», который ничем не хуже западно-европейского социализма. «Идеал» этот народники усматривали в общине, во взгляде на землю, как на достояние трудящихся, в артелях и т. д. Рабочие не должны были при этом играть никакой самостоятельной роли, а только содействовать распространению революционных идей среди крестьянства.

Однако у русских рабочих к этому времени стало уже проявляться классовое сознание; они отнюдь не склонны были ограничиваться той скромной ролью, которую отводили им народники. В этом скоро пришлось убедиться образовавшемуся в 1876 г. народническому кружку, «Северной группе революционеров-народников»; более известному в истории русского революционного движения под знаменитым названием «Земля и Воля». В состав этого кружка, наряду с такими уже тогда известными революционерами, как М. А. Натансон, О. В. Аптекман, Д. Д. Михайлов, Валериан Осинский и др., вошел и молодой Плеханов.

Нежелание рабочих ограничиваться отводимой им народниками скромной ролью вскоре получило свое выражение в знаменитой демонстрации на Казанской площади. Идея организации противоправительственной демонстрации исходила от рабочих; народники относились к этой идее скептически и уступили лишь настояниям рабочих. Впрочем, рабочих на демонстрацию явилось сравнительно мало — человек 250; большинство же демонстрантов состояло из учащейся молодежи. Центральной фигурой демонстрации оказался один из ее организаторов — Г. В. Плеханов. Вот что мы читаем об этом в «обвинительном акте по делу о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге».

«1876 г., 6 декабря, в понедельник, после богослужения из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял

шапку и начал громко говорить, горячася и размахивая руками. Молодой человек говорил, как показывают свидетели, о гнете правительства и его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, как о Чернышевский и др., о бедственном положении русского народа, у которого для выискания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках «браво» и аплодисментах столпившейся около говорившего молодежи».

Только благодаря случайности, а также находчивости Митрофанова, «молодой человек» — Г. В. Плеханов избежал ареста. Полиция, собрав дворников ближайших кварталов, набросилась на демонстрантов. Плеханова выручили рабочие. Митрофанов сорвал с него шапку, надел ему на голову свой башлык и в таком виде вывел из толпы. Задержанные полицией участники демонстрации были приговорены к весьма суровым наказаниям. Полиция усердно разыскивала таинственного «блондина». Плеханов перебрался через границу. Он прибыл в Берлин вместе со своей женой, студенткой-медичкой М. А. Смирновой.

В Берлине Г. В. держался в стороне от германского рабочего движения и совершенно не интересовался жизнью немецкого пролетариата. Это объясняется, с одной стороны, господствовавшим тогда среди русских революционеров презрительным отношением к немцам, как к народу, лишенному «революционной жилки». Не без влияния на такое настроение, как свидетельствует Дейч, были выпады Бакунина в его «Государственности и анархии», где он кстати и некстати прохаживается на счет немцев. С другой стороны, тогдашние вожди немецкой социал-демократии отрицательно относились к террористическим актам. Это отношение впоследствии доходило до того, что В. Либкнехт, забыв всякий такт, в центральном органе партии бичевал самоотверженный поступок Веры Засулич.

В Берлине Плеханов нашел артель русских крестьян, какими-то судьбами попавшую в столицу Германии. В среде этой артели да еще в обществе русских студентов Г. В. и проводил время. Таким образом, как замечает Л. Г. Дейч, Плеханов, в качестве «ярого народника», даже очутившись в Берлине, где ему открывалась возможность познакомиться с единственной существовавшей тогда большой социалистической партией, совершенно ею не интересовался и довольствовался лишь подмечаемыми внешними, как всем нам казалось, непривлекательными и «отталкивающими», по нашему мнению, свойствами немцев».

Пробыв недолго в Берлине, Г. В. поехал в Женеву, где познакомился с французскими коммунистами, последователями Прудона и Бакунина, но и они не произвели на него сильного впечатления. Он мечтал о поездке в Америку, где бы мог изучить в совершенстве образцовое сельское хозяйство, чтобы затем вернуться в Россию обогащенным знаниями и пойти в народ. Этого плана он однако не осуществил. Ему удалось побить еще короткое время в Париже, куда он устремился вследствие распространившихся слухов о назревающих во Франции революционных событиях. Эти слухи не оправдались; Плеханову удалось лишь принять участие в грандиозной республиканской манифестации, состоявшейся в день взятия Бастилии. В Париже Г. В. познакомился с П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым.

В общей сложности Плеханов провел за границей семь месяцев. В том же 1877 г. он возвратился в Россию еще более убежденным народником. Он направился в Саратовскую губернию, чтобы вести агитацию среди крестьян. Его «хождение в народ» окончилось однако вскоре неуда-

чею; вследствие провала одного из землевольческих общезитий он был арестован. Когда на другой день его освободили, взяв с него подписку, он этим воспользовался, чтобы скрыться.

Плеханов вернулся в Петербург, где он стал проявлять кипучую деятельность в рабочих кругах. Его пребывание в Петербурге совпало с массовыми забастовками на петербургских фабриках и заводах. Забастовки эти носили экономический характер, но Плеханов старался использовать их в направлении внедрения в сознание рабочих недовольства существующим порядком. Почти ни одна забастовка не обходилась без его участия. И в забастовке на Новой Бумагопрядильне, вызванной понижением заработной платы, и в забастовке на фабрике Торнтон, на фабрике Беккера, и в демонстрации рабочих Васильевского патронного завода,—повсюду Плеханов выступает неизменным участником и руководителем; «первую скрипку всегда играл Плеханов», свидетельствует О. В. Аптекман,—один из бунтарей, ведших тогда работу среди питерского пролетариата.

Полиция всячески старалась изловить энергичного агитатора, не дававшего покоя III Отделению. Как видно из опубликованных в «Былом» (№ 15, 1920 г.) документов, филеры полиции всячески следили за Г. В., который однако был неуловим. Даже фамилию его им с трудом удавалось установить, и Г. В. фигурирует в их донесениях то как Плутанов, то как Брюханов, Плюганов и т. д. К матери Плеханова, проживавшей тогда вместе с семьей в Тамбове, агенты III Отделения являлись часто с обысками, остававшимися, конечно, безрезультатными.

Если не считать семимесячного пребывания за границей, кратковременного «хождения в народ» да еще поездки летом 1878 г. на Дон, где Г. В. надеялся использовать недовольство казаков новым земством и составил прокламацию «К славному войску Донскому», Плеханов три года пробыл в Петербурге в тесном соприкосновении с рабочими. Правда, как истинный народник, он смотрел на свою деятельность среди пролетариата, как на нечто второстепенное. Но тесная связь с рабочим классом оказала огромное влияние на всю дальнейшую теоретическую и практическую деятельность Плеханова.

Как говорит его биограф С. Я. Вольфсон, он «начал незаметно для самого себя переоценивать ценности». Вольфсон вполне прав, говоря, что, «если в мирозерцании Плеханова-народника уже очень рано, на втором-третьем году его народнической деятельности, появились трещины, вначале еще еле заметные, но впоследствии заполнившиеся марксистским содержанием и приведшие Плеханова к крушению всего его народнического кредо,—то это является результатом не книжного, теоретического воздействия, а урока, непосредственно извлеченного из жизни; здесь бытие более чем когда-либо определило собой сознание одаренного и ищущего революционера». Это начало перемены во взглядах Плеханова нельзя приписывать влиянию учения Маркса, так как хотя Плеханов, и был знаком с «Капиталом», но, по его же собственным словам, изучение «Капитала» отняло у него каких-нибудь полторы недели, и говорить о серьезном изучении не приходится.

Между тем, вследствие происшедшего в 1878 г. разгрома организации «Земля и Воля», в среде народников все более и более утвердилась мысль о необходимости террора, как нового способа борьбы. Как известно, вопрос о терроре послужил главной причиной раскола в партии «Земля и Воля». Плеханов с самого начала выступал ярким противником террористической тактики и на знаменитом Воронежском

партийном съезде защищал точку зрения незначительного меньшинства партии, возражавшего против террора. Плеханов считал, что революционное движение может рассчитывать на успех только в том случае, если его поддержат широкие массы, что какой бы героический характер не носила борьба отдельных интеллигентов с правительством, она заранее обречена на неудачу. Когда съезд согласился с доводами А. И. Желябова, Н. А. Морозова и др., когда выяснилось, что никто не высказывается против знаменитой статьи Морозова, в которой политическое убийство объявлялось осуществлением революции в настоящем, Плеханов заявил: «в таком случае, господа, здесь мне больше нечего делать. Прощайте!» «Он медленно повернулся и начал удаляться в глубь леса,—рассказывает в своих воспоминаниях Н. А. Морозов,—мне показалось, что он с усилием держится на ногах. Разрыв с привычным товарищем по деятельности был слишком тяжел. Вот он идет, мелькнуло у меня в голове, куда-то в глубину леса, одинокий, без сторонников, что с ним будет, что он будет делать? Господа! Нужно его возвратить,—воскликнула Вера Фигнер.—Нет,—ответил Александр Михайлов взволнованным голосом. Как это ни тяжело, но мы не должны возвратить его».

Уехав с Воронежского съезда в Петербург, Г. В. встретился там с Верой Засулич, Львом Дейчем и Яковом Стефановичем, которые были единодушны с ним в отрицательном взгляде на террор. Они образовали самостоятельную организацию «Черный Передел»,—не признававшую решений Воронежского съезда и отстаивавшую старую тактику хождения в народ, между тем как большинство партии образовало организацию «Народная Воля». Организация «Черный Передел» существовала недолго, причем часть ее членов перешла к народолюбцам. В январе 1880 г. была раскрыта типография организации, и наборщик Жарков выдал членов ее. Плеханову пришлось бежать за границу.

Материальное положение Г. В., очутившегося вместе со второй женой своей Р. М. Боград за границей, было не совсем завидное. Пробыв несколько месяцев в Женеве и Кларане, Плеханов отправился в Париж, где надеялся найти хоть какой-либо заработок. Но попытки в этом направлении были весьма неудачны. Опубликованные в 1922 г. Л. Г. Дейчем письма Плеханова к Лаврову свидетельствуют о крайней степени нужды, в которой приходилось жить Г. В. Только в 1882 г., когда он получил гонорар за свою напечатанную в «Отечественных Записках» статью «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова», он в состоянии был отправить семью в Швейцарию, расплатиться с кредиторами и самому поехать к семье. Будучи за границей оторван от практической революционной деятельности, Г. В. первые годы эмиграции посвятил изучению научного социализма. Он поставил своей задачей дать себе серьезный, основанный на обстоятельном знакомстве с литературой предмета, отчет о том, что собственно представляет собой современный социализм.

К этому времени относится и эволюция в народнических взглядах Плеханова в направлении к марксизму. Как указывает В. Вагнян¹⁾, не совсем верен трафаретный взгляд, будто раскол в народничестве привел к образованию двух организаций «Народная Воля» и «Черный Передел», из которых «Народная Воля» вела героическую борьбу с правительством, а «Черный Передел» после некоторого бес-

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма», 1923 г. № 2—3, стр. 154.

плодного существования распался, причем часть его членов перешла к террористам, а другие—в том числе Плеханов и Засулич—переехали за границу, предалися наукам и стали марксистами. Такая схема, по мнению Ваганяна, представляет собой лишь хронологию, констатирование последовательности смены событий, что отнюдь еще не свидетельствует о понимании внутренней стороны явлений. Дело в том, что правозерным народником Плеханов оставался весьма недолго и тогда, когда работал еще в народническом лагере. Его народничество носило своеобразный характер. Плеханов, по выражению Ваганяна, являлся наибольшим средоточием потенции марксизма в «Земле и Воле», накапливал, обогащал и развивал ее в «Черном Переделе», для того чтобы впоследствии реализовать эту потенцию в группе «Освобождение Труда».

Первая статья Плеханова (если не считать корреспонденций) «Об чем спор» всецело проникнута еще народнической идеологией, но и она указывает уже, что в народничестве Плеханова кроется много противоречий, которые при более научном, более критическом подходе к явлениям должны были привести Г. В. к ревизии народнической догмы.

Уже в следующей статье «Законы экономического развития и задачи социализма в России», напечатанной в «Земле и Воле» (№ 13 от 15 января 1879 г.), Г. В. высмеивает революционеров, полагающих, что «метафизическая сущность — пропаганда» способна изменять ход истории; для этих революционеров мысль — все, жизнь — ничто. Таким воззрением он противопоставляет Марксову концепцию, по которой социализм является сам собой из «экономического хода развития западно-европейских обществ, и согласно которой самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений».

В этой статье мы находим также пророческую мысль, что социальный переворот в России будет прочен лишь при союзе пролетариата и крестьянства.

Конечно, на основании этих отдельных мыслей нельзя еще утверждать, что Плеханов к этому времени был уже марксистом. Даже в статьях, напечатанных в «Черном Переделе», начавшем выходить в январе 1880 г., Плеханов по существу остается еще народником-бунтарем. Но в этих статьях мы находим ряд мыслей, которые значительно приближают автора их к материалистическому пониманию истории. «Экономические отношения в обществе,—пишет он в одной из этих статей,—признаются нами основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений экономической жизни, но и умственного и нравственного уклада». Такие мысли, несомненно, свидетельствуют о том, что Плеханов был уж недалек от марксизма.

Когда Г. В. очутился за границей и начал усиленно заниматься вопросами теории, проблемами научного социализма, ему скоро стало ясно, что научный социализм, каким он дан в учении Маркса, не оправдывает народнической позиции, что последняя не выдерживает критики. Труден был Плеханову разрыв с прошлым, с героическими традициями освободительной борьбы, тяжело было убедиться в том, что идеалы, во имя которых гибли лучшие люди, оказываются зданием, воздвигнутым на песке. Но Плеханов-революционер всегда верил в непреложность истины, высказанной Аристотелем: «Друг мне Платон, но еще больший друг—истина».

Труден был разрыв, но трудность эта не могла удержать такого человека, как Плеханов. В 1883 г. он порывает с народничеством для того, чтобы окончательно стать под знамя марксизма. В этом году он совместно с Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич, В. Г. Игнатьевым и П. Б. Аксельродом основывает первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда».

Нужно заметить, что с народниками Плеханов порвал не так резко и внезапно. За границей он еще принимал участие в «Вестнике Народной Воли», будучи одним из его соредакторов. Вместе с народниками он принимал участие в издании популярных книг и брошюр о социализме, под общим названием «Русская социально-революционная библиотека». В статье «Социализм и политическая борьба», в которой он подвергает критике основные положения народничества, он выступает еще весьма осторожно, по крайней мере, с внешней стороны.

«Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса — эта тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему,—писал Плеханов в предисловии к этой брошюре.—Теоретические же его положения действительно кажутся мне ошибочными во многих отношениях».

Он указывает, что не стихийные движения и народные бунты могут привести Россию к социализму, что только рабочая социалистическая партия может подготовить его торжество. На этот путь он призывал русских революционеров: «чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрямиться старушечью-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат ровные, более прямые и торные пути».

Брошюра Плеханова не могла, конечно, остаться без ответа со стороны народников. Против нее ополчились наиболее видные их представители — Лев Тихомиров и П. Л. Лавров. На Плеханова посыпались обвинения в том, что он вносит дезорганизацию в среду революционеров, что он забывает великое прошлое «Народной Воли». Тогда Плеханов выступил с своим блестящим памфлетом «Наши разногласия». Это, впрочем, был не только памфлет: в «Наших разногласиях» мы находим много ценных научных данных, и это произведение Плеханова может считаться одним из лучших в русской социалистической литературе. Как нельзя лучше в этой книге доказывается, что коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из меланхолического социализма, что сельская община имеет тенденцию уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общности, что инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс промышленных центров.

Значение этого произведения и роль его в истории русского социализма столь огромны, что биограф Г. В. Плеханова, С. Я. Вольфсон, прямо заявляет: «для русского революционного движения «Наши разногласия» имели такое же значение, как «Коммунистический Манифест» — для мирового».

На долю группы «Освобождение Труда» выпало нести знамя марксизма в течение долгого периода, пока на смену ей не явилось

социал-демократическое движение в России. Трудна была задача группы. Активных работников было мало; еще через пять лет после ее выступления остряки уверяли, что все русские марксисты могут уместиться на одном диване. Сам Плеханов, вспоминая это время, впоследствии говорил:

«Нас была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами, но я скажу словами Лассаля: нас было очень мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много.»

Эта небольшая группа людей вдобавок была вынуждена работать вне России, вдали от родной почвы, вдали от русского пролетариата. Попытка установить связь с рабочими массами, снабдить их марксистской литературой кончилась весьма печально: Л. Г. Дейч, сделавший попытку доставить в Россию литературу, поплатился за это 16 годами Сибири. Но уже к середине восьмидесятых годов в Петербурге появилась социал-демократическая группа, установившая тесную связь с демократической массой и издававшая газету «Рабочий». Эта группа, в состав которой входило много сознательных рабочих, уцелевших после разгрома революционного народничества, вступила в сношения с Плехановым, написавшим статью для ее газеты («Современные задачи русских рабочих»), а также программу будущей социал-демократической партии. К концу восьмидесятых годов число марксистских кружков, выросших на сочинениях Плеханова, значительно увеличилось. Благодаря быстрому росту капитализма в России растет и армия пролетариата. Начиная с середины 90-х годов эти кружки переходят от кружковой пропаганды к массовой агитации среди рабочих. В 1896 г. вспыхивает всеобщая стачка петербургских ткачей и прядильщиков, которая в известной мере может считаться переломным пунктом в истории русского рабочего движения. Те положения, которые были высказаны основоположниками русского марксизма, стали оправдываться в жизни. Начался, по выражению Ленина, «утробный период русской социал-демократии», завершившийся образованием в 1898 г. российской социал-демократической рабочей партии.

Борьба с народнической идеологией не была однако еще закончена. В середине девяностых годов, в связи с кампанией, начатой официальными представителями науки в Западной Европе против теории исторического материализма, в русской легальной литературе завязалась страстная дискуссия. В журналах появился ряд статей Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, Николай — она, Южакова и других ученых и публицистов, ополчившихся с резкой критикой на теорию исторического материализма. С ответом всем этим критикам выступил Плеханов своей книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эта книга, вышедшая под псевдонимом Бельтова, оказала совершенно исключительное влияние на умы современников. Люди, стоявшие на позиции народничества, массами становились под знамя марксизма. Как свидетельствует Лядов в своей «Истории РСДРП», «Бельтовым клялись, Бельтова читали заповеям в каждом гимназическом кружке». Книга Плеханова, по выражению одного современника, стала «евангелием русской социал-демократии».

В этой книге Плеханов проводит правильный взгляд на сущность французского материализма XVIII в., отличающую его от материализма основоположников марксизма. В ней он доказывает неверность мнения Михайловского, будто «экономический материализм не

есть всеобъемлющая философская система, а только обломок ее, что самые основы экономического материализма остаются между собою несвязанными и фактически непроверенными». Плеханов указывает на несостоятельность попытки разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией. В ответ тем критикам, которые, ссылаясь на «односторонность» и «однбокость» теории исторического материализма, пытались занимать среднюю позицию между материализмом и идеализмом, доказывая, что «и психологическое и экономическое направление истории одинаково верны, поскольку они дополняют друг друга» (Кареев), Плеханов доказывал, что такая позиция приводит не к открытию полной истины, а «к нищенской похлебке эклектизма». «У него — говорит Плеханов о Карееве, — тут экономия — там психология; в одном кармане душа, в другом тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности».

Наряду с критикой противников и полупротивников материализма Плеханов дает в этой книге блестящее обоснование его.

В 1896 г. вышли на немецком языке «Очерки по истории материализма». В этой книге Плеханов подробно останавливается на историческом значении французского материализма XVIII в.

Если в дискуссии с представителями народнической идеологии и критиками исторического материализма Плеханову приходилось бороться с течениями, в той или иной мере враждебными марксизму, то в той борьбе, которую он повел против оппортунизма, ему пришлось отстаивать революционный характер учения Маркса против попыток «проверить» это учение, выпрямить его и освободить от ошибок, которые якобы вкрались в теорию научного социализма. Плеханов сразу понял отступнический характер бернштейнианства; он понял, что имеет дело не со случайным заблуждением, а с изменой революционному марксизму и переходом в лагерь мелко-буржуазных сторонников социальных реформ.

«Историческая миссия наших «критиков», — писал Плеханов, — заключается в «пересмотре» Маркса для устранения из его теории всего ее социально-революционного содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь пролетариями всех цивилизованных стран; Маркс, который призывал рабочий класс к *насильственному* низвержению нынешнего общественного порядка, *этот* Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой является г. г. «критики». Ее отталкивают его крайние выводы, ее пугает его революционная страсть; но «по нынешним временам» трудно обойтись и совсем без Маркса: его критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса от ее плевел; надо противопоставить *Марксу-революционеру* Маркса-реформатора, Маркса-«реалиста». *Маркс против Маркса!*...

Борьба Плеханова с реформистами, с попытками «смягчить» Маркса — одна из его великих заслуг перед пролетариатом.

Еще более упорную борьбу пришлось вести Плеханову с русским отзвуком бернштейнианства. К концу девяностых годов русское социал-демократическое движение переживало кризис в связи с переходом от кружковщины к массовой организации. Как отражение «ревизии» Маркса, на русской почве возникло течение, лозунг которого гласил, что нетерпеливый, примитивный марксизм должен

уступить место марксизму демократическому. Стремление к захвату власти должно смениться мирной деятельностью в направлении преобразования современного общества. Вместо широких задач политической борьбы «экономисты» предлагали «чисто рабочее движение», имеющее целью защиту классовых, точнее, — профессиональных интересов рабочих. Плеханов показал, что «экономизм» есть отказ от классовой борьбы, попытка сделать рабочее движение приемлемым для буржуазии путем отказа от революционной сущности марксизма. Против этого и выступил Плеханов со свойственной ему силой и энергией. Он предлагал исключить «экономистов» из российской социал-демократии, считая, что раз практические расхождения между различными группами партии переходят определенные границы, они приобретают принципиальный характер, вследствие чего разрыв неизбежен. Плеханов поэтому не остановился перед тем, чтобы вместе с возглавляемой им группой «Освобождение Труда» выйти из «Союза русских социал-демократов», когда этот союз принял платформу «экономизма». Как известно, группа «Освобождение Труда» не была приглашена и на первый партийный съезд. Борьба ортодоксальных марксистов с «экономистами» была лишь первым этапом в борьбе «социал-демократической Горы» с «социал-демократической Жирондой» (выражение Плеханова). На втором, Лондонском съезде РСДРП борьба между обоими флангами развернулась уже во всю и привела к принципиальным расхождениям обеих фракций по всем наиболее важным вопросам. «Жиронда» на втором съезде была представлена не одними «экономистами». Тут были и искровцы меньшинства, и центр, и анти-искровцы, «маленькие, средние и большие оппортунисты», по выражению Ленина. Во всех вопросах, обсуждавшихся на втором съезде, Плеханов занимал передовые позиции «Горы».

Как известно, центром спора была редакция первого параграфа устава партии. Но за спором о Мартовской и Ленинской редакциях этого параграфа скрывалось более глубокое принципиальное расхождение: должна ли партия быть широкой и включать в себе все сочувствующие ей элементы, как утверждал Мартов, или она должна включать лишь активных работников, каковую позицию отстаивал Ленин, ссылавшийся на то, что «при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных районных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно отграничить болтающих от работающих».

Плеханов выступил в защиту редакции Ленина.

«По проекту Ленина, — сказал он, — членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования объективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо...»

Во всех других вопросах тактики и программы Плеханов отстаивал революционно-марксистскую чистоту партии и всячески старался предохранить ее от вторжения легко поддающихся оппортунизму элементов.

Во время обсуждения программы партии был между прочим

поставлен вопрос об абсолютной ценности демократических принципов, т. е. вопрос о том, должна ли политика партии всегда подчиняться этим принципам, или же сами эти принципы должны быть подчинены вопросам целесообразности и выгодам партии. На этот вопрос Плеханов дал блестящий, классический ответ:

«Каждый данный принцип, — сказал он, — должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, — именно, принципу гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если ради успеха революции потребовалось бы временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revolutionis suprema lex*. И на ту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал хороший парламент — своего рода *chambre introuvable*, — то нам следовало бы стараться сделать его *долгим* парламентом, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а, если можно, через две недели».

На съезде Плеханов был избран председателем Совета партии и — вместе с Лениным — редактором его центрального органа «Искры».

Однако, контакт Плеханова с Лениным был непродолжителен. Скоро между ними начались трения по вопросу о бывшей редакционной коллегии «Искры». Плеханов полагал, что Аксельрод, Мартов и их сторонники должны быть привлечены к работе в «Искре», что в процессе работы они сами откажутся от своих оппортунистических уклонов. Ленин же находил привлечение их вредным для дела и вышел из состава редакции.

Последний период деятельности Г. В. характеризуется его сотрудничеством с меньшевиками. Когда в 1905 г. наряду с большевистским партийным съездом (III съезд РСДРП) происходила меньшевистская «Общерусская конференция партийных работников», Плеханов участвовал в последней; однако решение этой конференции санкционировать распад партии на две фракции побудило Плеханова отказаться от звания председателя Совета партии и выйти из состава редакции «Искры». После этого он оставался вне обеих фракций и стал издавать свой «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова», каждый номер которого вызывал оживленные толки в партийных и во внепартийных кругах.

Революция 1905 г., окончившаяся победой реакции, выдвинула в качестве наиболее актуальных — вопрос аграрный, вопрос об отношении к Государственной Думе и к вооруженному восстанию. Как известно, на IV объединенном съезде РСДРП фигурировало два про-

екта аграрной программы, Ленина и Маслова, — проект национализации и проект муниципализации земли. Плеханов выступил против проекта Ленина, говоря: «Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказываться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии».

Точно также выступал Плеханов и против идеи вооруженного восстания. В резолюции, которая была выработана при его участии, говорилось, что победа может быть достигнута лишь при том условии, если в восстании, кроме пролетариата, примут участие широкие слои буржуазии и крестьянства, что «партия, как организация, не может принимать на себя возбуждающие ложные надежды обязательства вооружения народа». Впрочем, Плеханов оговорился, что он «против заговорщического захвата власти, но всецело за такой захват власти, каким был, например, Конвент в Великой французской революции». «Превосходно, тов. Плеханов,—заметил Ленин,—напишите в резолюции то, что вы сказали. Осудите как угодно резко заговорщичество, — мы, большевики, все-ж таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован захват власти по типу Конвента».

По вопросу об отношении к Государственной Думе Плеханов высказывал взгляд о необходимости использования Думы, как широкой трибуны; он призывал рабочих к участию в выборах. Этот взгляд противоречил тактике бойкота Думы, которую проводили большевики. Свой взгляд Плеханов продолжал отстаивать и на пятом съезде, проходившем в Лондоне в период между созывом первой и второй Думы.

Но когда в самой партии появился болезненный симптом «ликвидаторства», — течения, отстаивавшего отказ от нелегальных методов работы, отказ от подполья, — Плеханов-революционер почувствовал опасность и сблизился с теми, против которых он незадолго до этого выступал; тут он оказался на одной позиции с Лениным и его единомышленниками. «Да здравствует наш подпольный крот, да растут и крепнут наши подпольные организации!» — воскликнул Плеханов в одной из статей своего «Социал-демократа». Г. В. начинает сотрудничать в большевистских органах — «Звезде» и «Правде». «После семи лет глубоких теоретических расхождений, жестоких полемических схваток и напряженной борьбы,—говорит биограф Плеханова, С. Я. Вольфсон,—Плеханов и Ленин две самые светлые головы русского марксизма, два самых выдающихся идеолога российской социал-демократии, сошлись как соратники в борьбе за единое дело. Встреча была непродолжительной. Через некоторое время они разошлись в разные стороны для того, чтобы более никогда уже не встретиться... На Западе показалось зарево мировой войны»...

Прежде чем перейти к деятельности Плеханова в эпоху войны и революции, надлежит хотя бы вкратце остановиться на роли и значении Г. В. в Интернационале, так как он был одной из центральных фигур не только русского, но и международного рабочего движения. Стоит вспомнить, с каким глубоким уважением относился к Плеханову старик Энгельс.

Когда в июле 1889 г. в Париже в первый раз после распада I Интернационала собрался международный социалистический конгресс, от имени России выступил Плеханов. В своем докладе конгрессу он сказал: «Силы и самоотверженность наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей, как лич-

ностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению наших социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Здесь впервые русский социализм, основанный на научных предположениях марксизма, приобщился к международному движению; до этого в Европе привыкли к уверениям, что Россия готова к революции, что нужен только толчок, — заговор, восстание, — чтобы русское крестьянство, верное своим коммунистическим идеалам, основало социалистический строй.

На следующем, Брюссельском конгрессе Интернационала (1891 г.) русская социал-демократия не могла быть представлена вследствие отсутствия у нее средств и ограничилась представленным письменного доклада за подписью Плеханова и Засулич. Но уже на конгрессе 1893 г. в Цюрихе Плеханов принимает активное участие и выбирается докладчиком по военному вопросу. Он выступает в качестве яркого противника войны, противника не только на словах, но и на деле, что он продемонстрировал на проходившем во время русско-японской войны Амстердамском конгрессе, протянув братскую руку вождю японского пролетариата Сен-Катаэме.

На всех конгрессах Интернационала, где Плеханов выступает в качестве неизменного представителя русского пролетариата, он остается верен революционным заветам марксизма. Характерно в этом отношении выступление Плеханова на Парижском конгрессе (1900 г.), на котором обсуждался вопрос об участии социалистов в министерстве. В то время, как большинство съезда приняло эластичную резолюцию Каутского, признававшую, что «вступление отдельных социалистов в буржуазное министерство не может считаться нормальным началом завоевания политической власти и должно быть рассматриваемо, как временный и исключительный прием в борьбе с трудными обстоятельствами», Плеханов добился принятия поправки, гласившей, что «даже в крайних случаях социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своей пристрастности в борьбе труда с капиталом». Плеханов считал, что борьба с министерализмом должна вестись самым энергичным образом; и эволюция, проделанная социалистом Мильераном, вступившим в буржуазное министерство Вальдека-Руссо, вскоре доказала правильность позиции, занятой Плехановым.

Эпоха войны и революции связана с представлением о самом тяжелом периоде в жизни и деятельности Плеханова. К началу войны имя Плеханова пользовалось мировой известностью; к его голосу прислушивался рабочий класс не одной только России. Когда гласнула война, все с нетерпением ожидали, что скажет Г. В. Тем неожиданнее была для социалистов, верных заветам Интернационала, занятая им позиция. Плеханов пытался доказать, что своим участием в войне рабочий класс продолжает ту же классовую борьбу, только в другой форме:

«Борьба эксплуатируемых с эксплуататорами не перестает быть классовой от того, что эксплуататоры живут по ту сторону границы

и говорят на другом языке. Пролетарии стран, атакованных Германией и Австрией, ведут международную классовую борьбу уже тем самым, что с оружием в руках противятся осуществлению эксплуататорских планов австро-германских империалистов».

Такая теория могла появиться у Плеханова лишь в результате ошибочного взгляда на происхождение войны и причины, вызвавшие ее. Заняв с самого начала ложную позицию, Плеханов продолжал отстаивать ее со свойственной ему страстностью и упорством, договариваясь до того, что марксист должен звать пролетариат Антанты «отстаивать свой кровный интерес от разбойного нападения на него со стороны нового тройственного союза: 1) юнкера, 2) капиталиста и 3) пролетария центральных империй».

Этой позицией по отношению к войне отчасти объясняется и отношение Плеханова к русской революции. Когда вспыхнула февральская революция, Г. В. находился в Сан-Ремо. Он был серьезно болен и врачи указывали ему на опасность, связанную с далеким путешествием в Россию. Плеханов на это ответил: «Я предпочту, чтобы мне недолго прожить в России, но нельзя не ехать: старый воин революции должен быть на посту, раз призывают его».

Десятки тысяч рабочих и солдат восторженно встречали на Финляндском вокзале Г. В., но он не оправдал их надежд.

И в России Плеханов продолжал отстаивать свою позицию «войны до победного конца». Он не понял самого характера революции, говоря, что она «была сделана против правительства не потому, что оно вело войну, а потому, что оно не хотело вести ее надлежащим образом и вело дело к поражению. Теперь, когда враг внутренних свергнут, энергия в борьбе с внешним врагом должна быть удесетерена».

Точно также Плеханов настаивал на буржуазном характере революции и утверждал, что в «призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного Правительства и к захвату власти и так далее, рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, т. е. безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской земле».

Плеханов жестоко ошибся, но и ошибаясь, Г. В. субъективно, в душе своей, всегда оставался верен рабочему классу, за освобождение которого он отдал всю свою жизнь.

Когда в ноябре 1917 г. Керенский с Красновым овладели Царским Селом и думали вести наступление на Петроград, к Плеханову пришел Савинков с предложением составить министерство после вступления красновских войск в Петроград. Плеханов ответил:

«Я сорок лет отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути».

Надломленное здоровье Г. В. все ухудшалось. В январе 1918 г., по настоянию врачей, он оставил Петроград и направился в Финляндию, в санаторию близ Терюк, откуда ему не суждено было уже вернуться. 30 мая 1918 г. Георгия Валентиновича Плеханова не стало.

Прах его, согласно последней его воле, был перевезен в Петроград и похоронен на Волковом кладбище рядом с могилой Белинского.

Великое наследие оставил Г. В. пролетариату. Он был не только основоположником русского марксизма и вождем рабочего класса, он был и великим мыслителем, к голосу которого прислушивались и друзья и недруги. В качестве знатока философии марксизма он занимает одно из самых выдающихся мест среди марксистских

теоретиков. «Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать, — именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Ленин). Если Маркс и Энгельс создали диалектический материализм, то на долю их учеников, — в том числе и Г. В. Плеханова, — выпало систематизирование их гениального наследия.

Один из противников Плеханова, Н. К. Михайловский, назвал его «поэтом марксистской диалектики». Основное положение диалектического материализма, согласно которому «идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное», было для Плеханова осью универсального метода. Этот метод он, как «поэт марксистской диалектики», применял во всех областях социальных наук, к каким он только прикасался.

Маркс и Энгельс дали общую формулировку исторического материализма и ряд блестящих примеров его применения. Их ученикам оставалось применять этот метод ко всем областям «надстройки», в особенности, к вопросу о происхождении и развитии идеологии. Здесь Плеханов сыграл огромную роль, как например в вопросах искусства и религии. Если он и не дал систематического марксистского учения об искусстве, то в его работах по истории и теории искусства можно найти ответы на многие вопросы, которые нигде в марксистской литературе не получили такого блестящего освещения, как у Плеханова. В известной мере он может быть назван основоположником научной марксистской эстетики. Огромное значение имеют работы Плеханова о религии и по истории русской общественной мысли.

Творчество Плеханова является великой сокровищницей, в которой пролетариат может черпать свое духовное оружие.